

УДК 316+929

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается процесс становления и основные составляющие социологического дискурса в литературно-публицистическом творчестве Н. Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на социальные функции литературы и публицистики.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, идейность.

Becoming of Sociological Discourse in Literature and Publicistics of N. G. Chernyshevskiy

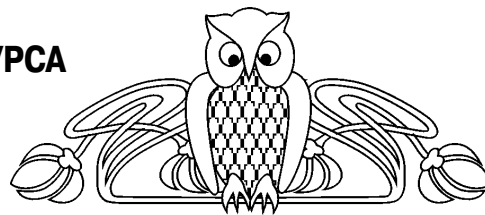
Ya. A. Nikiforov

Process of becoming and basic components of a sociological discourse of N. G. Chernyshevskiy is considered in article. The special attention is given to sights of the Russian thinker at social functions of literature and publicistics.

Key words: discourse, publicistics, ideals.

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и языке.

Один из классов употреблений термина «дискурс» восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М. Фуко, хотя в обосновании этих употреблений важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М. Пешё и др. За этими употреблениями просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет определение – чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. Можно

сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса. По сути дела, определение какой или чей дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным, групповым или даже абстрактным. Подобного рода понимание дискурса, безусловно, является социологическим и представляется наиболее корректным при исследовании литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского.

Вся журнально-литературная деятельность Николая Гавриловича Чернышевского укладывается в очень небольшой промежуток времени: восемь – девять лет необычайно интенсивной, разнообразной, напряженной работы. В результате своей плодотворной, но непродолжительной работы журналистом в «Отечественных записках», «Современнике» и некоторых других периодических изданиях он твердо убедился в том, что необходимо писать только то, чего ждет от писателя общественность, будь то журнальная заметка, критическая статья, роман и любое другое литературное произведение. Чернышевским-критиком и публицистом резко осуждались пустота содержания и приверженность к приукрашиванию действительности. Будучи идейным руководителем «Современника», Чернышевский выступал за реалистичность в писательской деятельности. Литература, по его мнению, должна быть выразительницей мысли общества, своеобразным учебником жизни для молодого поколения.

Как активный публицист, на чьем счету около пятисот печатных листов по различным отраслям знания, Чернышевский всегда писал о том, что не хотел бы быть «бесполезным для общества говоруном о пустяках»¹. Все его литературные работы отражали острые, насущные проблемы современной ему социальной жизни. Все написанное им – написано об обществе и для общества. Многогранная общественная деятельность Н. Г. Чернышевского послужила основой формирования его литературно-публицистического дискурса.

Наиболее полно авторская оригинальная система воззрений на литературу и ее общественное назначение была изложена Чернышевским в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Наиболее важным, по мнению Николая Гавриловича, является

представление о прекрасном. Он утверждает, что прекрасное существует в действительности, а не в идеальном мире, откуда оно будто бы переносится в жизнь творческим усилием художника. Кроме того, оно зависит от социальных обстоятельств, при которых осознается художником и соответственно воспринимается читателем, зрителем или слушателем. Сама жизнь является источником, однако «не всякое ее проявление эстетично: бывают и безобразные ее проявления, хотя бы они и являлись совершенными в своем роде»².

Таким образом, Чернышевский на новой социальной основе переосмыслил известную формулу Гегеля: «Все разумное действительно, все действительное разумно». Оставив ведущее начало за разумом, Чернышевский ясно дал понять своему читателю, что далеко не все в русской жизни разумно, не все может претендовать на роль источника прекрасного.

Кроме того, Чернышевский ввел в свою систему представление об активном начале в искусстве: оно не просто отражает действительность – оно пересоздает ее. Тем самым художники участвуют в общественном развитии. Необходимо отметить, что это убеждение легло в основу литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского.

Чернышевский исходил из того, что сознание человека обусловлено обстоятельствами его жизни. При этом наглядно пояснял свои размышления примерами понимания прекрасного в дворянской и крестьянской среде: их представления о красоте различны именно вследствие несходства социальных условий существования представителей этих сословий. Чернышевский указывал на существенное несходство понятия прекрасного, рожденного в разной социальной среде. «Прекрасное и возвышенное, – писал Н. Г. Чернышевский, – действительно существуют в природе и человеческой жизни. Но с тем вместе следует, что наслаждение теми или другими предметами, имеющими в себе эти качества, непосредственно зависит от понятий наслаждающегося человека: прекрасно то, в чем мы видим жизнь, сообразную с нашими понятиями о жизни, возвышенно то, что гораздо больше предметов, с которыми сравниваем его мы. Таким образом, объективное существование прекрасного и возвышенного в действительности примеряется с субъективными воззрениями человека»³.

Не просто мера мастерства или художественного совершенства принимается им за основу, а мера общественной целесообразности и значимости. «Усвоение русскими писателями материалистического взгляда на природу человека, на отношения его к социальной среде, на исторически сложную диалектику этих отношений открывает широкие возможности, – как полагал Н. Г. Чернышевский, – для преодоления абстрактного морализма прежней литературы»⁴. В свою очередь обеспечивался выход литературы из сферы образного воспроизведения личности,

индивидуально-психологической и семейно-бытовой жизни человека в область широких исследований и обобщений политической, государственной, общественной жизни России, ее социальных групп и классов.

В дальнейшем в своей статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский выдвигает и другую крупную социальную задачу литературы – задачу правдивого изображения народа и его жизни. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, – пишет он, – должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁵.

Таким образом, Чернышевский ратует за реалистическую литературу, изображающую жизнь в ее существенных закономерностях. Значение и авторитет писательской деятельности представлялись Николаю Гавриловичу в тесной связи с обязанностью ее решать важные общественные задачи, играть активную роль в общественной жизни. При этом жизненная правда, соответствие художественных образов конкретно-исторической реальности – важнейшее условие, которое Чернышевский предъявляет к литературе. «Чрезвычайно важна мысль, что художник может выразить основные тенденции действительности в “преднамеренной” форме, в “заостренном”, как бы мы теперь сказали, образе или сюжете, не имеющих прямого, видимого соответствия в жизни. Реалистическая правда произведения от этого не только не пострадает, но и выиграет. Она глубоко проникнет в содержание и смысл изображаемых явлений жизни и получит огромную силу воспитательного воздействия»⁶.

Столь свойственная стилю Чернышевского критика и публициста ирония играла большую роль, разоблачая в обществе и литературе бездарность, искусственность, ложь и фальшь враждебных народу идеологий, эстетических принципов, политических доктрин. Литературная критика на определенном этапе стала для Чернышевского главным полем сражения. Его противники возмущались тем, что он в своих статьях говорил будто бы не столько о художественных особенностях рассматриваемых произведений, сколько о важнейших проблемах общественной русской жизни. Действительно, критика Чернышевского имела откровенную социально-политическую направленность.

А целью, которую он ставил перед собой, было воздействие на писателя и читателя в духе социального их просвещения. Чернышевский был убежден, что писатель обязан писать не вообще о том, что он чувствует и думает, не обо всем том, что попадает ему на глаза, а о наиболее острых, наиболее болезненных вопросах современности. С другой стороны, читатель может и должен научиться читать, глубоко вникая в социальный смысл изображаемого, размышляя о происходящем в окружающей действительности.

Нужно заметить, что Чернышевский вообще не отделял читателя от литературной жизни, не отводил ему роли пассивного зрителя. Более того, он подчеркивал, что литература – дело совместное, что читатель, не менее чем писатель, оказывает воздействие на общий ход развития литературы. «Власть публики в литературных делах всеильна, – полагает Н. Г. Чернышевский, – чего хочет публика, тем и бывает литература. Когда литература или не достигает своего истинного значения, или уклоняется от него, в том всегда бывает виновна только публика, а не кто другой. Общество не имеет права слагать с себя ответственность за недостатки, от которых терпит. Ведь ему нужно только выразить твердую, непреклонную волю, чтобы устранить всякий недостаток»⁷. Чернышевский мимоходом, как бы обмолвкой, выходит из границ историко-литературного исследования и намекает вообще на решающую силу общественного мнения.

Главная установка Чернышевского-критика, публициста и писателя научить читателя мыслить, помочь ему сделать правильные выводы и найти ответ на множество возникших перед ним вопросов. Примером тому может послужить и знаменитая его статья «Антропологический принцип в философии». Впервые в России подобного рода философско-политический трактат был адресован самому широкому читателю. При этом автор прекрасно понимал, насколько трудно новые идеи усваиваются массой и какое сопротивление они вызывают своей непривычностью, по крайней мере на первых порах. Поэтому Чернышевский старается помочь читателю, на протяжении всей статьи беседуя с ним: «в научный анализ легко и непринужденно влетает разговорная речь, шутка; автор посмеивается то над самим собой, то над собеседником, как это бывает в дружеском кругу». Он как будто вместе с читателем обдумывает поставленные им самим вопросы и вместе с ним проходит все этапы развития мысли, постепенно, без всякого нажима совершая процесс выяснения истины. После того как пройден первый существенный этап этого процесса, Чернышевский пишет: «Теперь мы замечаем, – жаль, что заметили слишком поздно, – что эта статья, при всей своей бессвязности, может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки о человеке как отдельной личности». В итоге я еще раз убеждаюсь в том, что автор объединяет себя с читателем («мы замечаем»), вместе с ним размышляет, делает выводы и «вместе с ним усмехается, преодолевая первоначальную инерцию сопротивления новому»⁸.

Таким образом, публицистика Чернышевского, помимо своего научного и политического значения, обладает еще и большим воспитательным воздействием. Она переворачивает, заставляет изменяться привычный консерватизм сознания, вызывая тягу к активной работе мысли. Здесь необходимо отметить также то, что Чернышев-

ский высоко ценил искусство слова как средство познания жизни и духовного воздействия на общество.

Немало важен тот факт, что Чернышевский-критик и публицист никогда не скрывал своих симпатий и антипатий. Читателю не приходилось ломать себе голову в поисках ответа на вопрос: что Чернышевский любит и что ненавидит. Позиции его были предельно ясны. Именно поэтому в своей литературно-критической деятельности он не боялся резко выступать против зла «в борьбе за добро, за правду, за высокое общественное предназначение литературы».

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский четко поставил вопрос о том, что искусство, не связанное с насущными интересами, ведущими проблемами действительности, невозможно: его никогда не было и не может быть. Разнообразные теории «чистого искусства», считает он, служат лишь «прикрытием» иных интересов. Странники этих теорий заботятся вовсе не об искусстве, а прикрываются им для пропаганды своих взглядов и идей. «Как и всякая другая достойная внимания умственная или нравственная деятельность, литература по самой натуре не может не быть служительницей стремлений века, не может не быть выразительницей его идей. Вопрос состоит только в том, каким целям должна служить она, – таким ли, которые, не имея важного места в жизни века, сообщат и литературе, ими ограничивающейся, характер пустоты, празднословия, или тем идеям, которыми движется век. Ответ на это нисколько не затруднителен: только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи». И здесь мы еще раз убеждаемся, что Чернышевский постоянно уделял внимание идейному содержанию литературы. Идейность, по его мнению, это непреложное требование, предъявляемое литературе. Идейность – условие жизненности искусства, «... идея есть зерно, из которого вырастает художественное произведение, есть душа, его оживляющая..., красота формы состоит в соответствии ее с идеею»⁹.

Чернышевский теснейшим образом связывает поведение человека в личной жизни с его поведением в обществе. Никчемность в личной жизни и никчемность в обществе – это две стороны одной медали. «Люди впадают в пустую и грязную пошлость, когда их мысль уклоняется от общественных интересов». «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без

влияния чувств, пробуждаемых в них¹⁰» – такова концепция общественно-нравственных потребностей в жизни и литературе.

Подводя итоги, определим сущностные черты литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского. По глубокому убеждению Н. Г. Чернышевского, литература и публицистика обязаны решать важные общественные задачи, играть активную социальную роль в общественной жизни. Цель, стоящая перед литературой и публицистикой – воздействие на читателя в духе социального и нравственного его просвещения. Читатель должен научиться читать, вникая в социальный смысл изображаемого, размышляя о происходящем в окружающей действительности. Николай Гаврилович утверждал, что литература и публицистика должны мобилизовать силы общества на борьбу против всего, что стоит на пути к прекрасному в самой жизни. Источником силы литературы будет являться верность интересам народа, его жизненным потребностям. Литературный процесс, по мнению Чернышевского, должен быть

обязательно связан с общественным движением, а также он должен отвечать на актуальные вопросы общественной жизни.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 591
- ² Шаталов С.Е., Курилов А.С. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1978. С. 18.
- ³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 114.
- ⁴ Шаталов С.Е., Курилов А.С. Указ. соч. С. 24.
- ⁵ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 807.
- ⁶ Там же. С. 86.
- ⁷ Там же. С. 401.
- ⁸ Наумова Н. Н. Г. Чернышевский. Биография писателя. Л., 1974. С. 61.
- ⁹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 163–164.
- ¹⁰ Там же. Т. 5. С. 168–169.

УДК 316.2

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ М.ВЕБЕРА

А. А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социология молодежи
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье рассматривается проблема социальной идентичности сквозь призму основных социологических концепций классика социологии М. Вебера: теории социального действия, идеальных типов, социологии религии.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальное действие, идеальный тип.

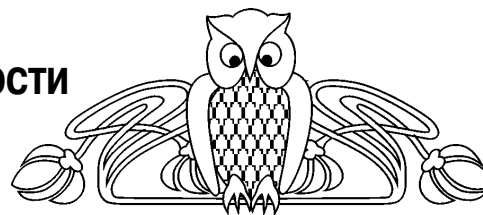
Identification of Social Reality in Veber Conceptions

A.A. Koshelev

This article looks at the problem of social identity through the prism of main Veber's classic social conceptions: the theories of social action, of ideal models, of the sociology of religion.

Key words: social identity, social action, ideal type.

Творчество Макса Вебера представляет собой совокупность разнообразных теорий, отличающихся практическим и теоретико-методологическим универсализмом. Иными словами, фундаментальные научные изыскания немецкого ученого являются основой в изучении социальных и гуманитарных проблем, актуализирующихся в настоящее время и требующих тщательной и всесторонней рефлексии. Одной из таких про-

blem является осмысление вопросов социальной идентичности, приобретающей особое значение в связи с трансформационным периодом развития не только российского социума, но и глобализацией вопросов взаимодействия наций в рамках международного сообщества.

О. Конт, определяющий социальную идентичность как смену представлений индивидов в рамках закона «О трех состояниях интеллектуального развития», пришел к выводу о том, что позитивный этап в развитии человечества будет способствовать стабилизации, ведь война как форма конструирования социальных объектов выполнила свою миссию – сформировала в социуме устойчивые структуры. Дальнейшее развитие общества должно осуществляться чрез трансляцию духовных ценностей по аналогии с Древним Римом, где период кровопролитных войн закончился появлением и распространением христианской религии. Однако данные утверждения основоположника социологии не подтвердились: вооруженные конфликты продолжались с постоянной периодичностью, а трагической кульминацией стала Вторая мировая война, унесшая жизни миллионов людей.

В этом смысле концепции М. Вебера представляются более гибким социальным мышлением, так как основаны на совмещении рационализма и прагматичной духовности в обосновании